

Пиня Копман

*Байки
негевского бабайки
Том 3
Проза*

16+

Пиня Копман
Байки негевского
бабайки. Том 3. Проза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68070949

SelfPub; 2022

Аннотация

Эта книга – третий том сборника текстов, написанных автором за 50 лет. В нем исключительно проза: рассказы, рассказыки и одна пьеска. Рассказы как шуточные, так и серьёзные. Я старался отобрать лишь не слишком скучные. Есть даже два исторических исследования, которые, впрочем, стоит оценивать как пародийные. Всего 15 текстов. Автор надеется, что скуки у читателя ни один из текстов не вызовет.

Пиня Копман

Байки негевского бабайки. Том 3. Проза

1 Инвалид (Хроники 90-х)

В 16 лет нужно играть в футбол и баскетбол, плавать и нырять, влюбляться и ухаживать за девочками.

А я ничего этого не могу. Я инвалид. Детский церебральный паралич. Я уже привык говорить об этом без горечи. Привык к своей коляске, к тому, что для большинства людей я не человек, а так, предмет жалости.

Доктор Вера, спортивный врач, с которой я занимаюсь, говорит, что я как раз вступаю в критический возраст, когда происходит переоценка ценностей и становление мировоззрения. Наверно она слишком много теории читала. Мне, кажется, переоценивать нечего. Я живу с теткой в теплой двухкомнатной квартире на первом этаже пятиэтажного дома. У меня есть несколько хороших товарищей, и тетя Мира, которая заменила родителей. Родители у меня погибли, когда мне еще трех лет не было. Нет друзей и нет врагов. Ну, друзей нет потому, что дружить только с равным можно. А меня равным никто не считает. А враги... Кто всерьез будет враждовать с калекой?

Был у меня случай, еще в пятом классе. Какой-то амери-

канский фонд как раз подарил мне коляску с электроприводом. Это когда я выиграл приз на республиканской компьютерной олимпиаде. Ну, я ехал по двору, а Вовка из соседней школы, он года на два старше меня, неожиданно выскочил из арки. Я уже давно тогда научился подобных типов избегать. Просто, когда они появляются, я держусь поближе ко взрослым, и они меня не трогают. А тут ни одного взрослого, и я прямо перед ним, этим Вовкой. Вредный тип. Он всегда маленьких и слабых обижал. И никто ему ничего не делал. Дядя у него местный бандитский авторитет. Ну, он меня увидел, на коляске, и что во дворе никого нет, и прямо ко мне. Улыбка на лице: сразу ему два удовольствия: и слабого обидеть, и механизм поломать. Если б он меня за руку, или за одежду схватил, в секунду из коляски бы выкинул. А я без нее что же? Ноль без палочки! Вытащил я из кармана шариковую ручку, и вогнал ему прямо в протянутую руку. Это я ниже пояса паралитик. А в руках сила есть. У меня до электрической была коляска с ручным приводом. А на занятия я езжу почти за 10 километров. Вовка этот завизжал, как поросенок из мультика, и убежал. Я-то, понятно, об этом случае промолчал. Но в городе все про него узнали. Город у нас не слишком большой, так что слух быстро разошелся. Может, сам Вовка растрепал, а может, бабки в окно подсмотрели. Мне потом рассказали, что он к дяде ходил, просил, чтоб мне бандиты шею скрутили. Но дядя ему сам надавал, чтоб не лез к инвалиду. Это был единственный в жизни раз,

когда я не жалел, что инвалид. Ведь в наше время так просто бандюги угробить могут. Милиционера нашего участкового, мы его «Дядя Степа» звали, так его за то, что за порядком следил, а может просто так, для острастки, металлическими штырями к стене Дворца культуры прибили. То, что это банда Вовкиного дяди, у него еще кличка «Змей Горыныч», сделала, так тоже весь город знал. И начальник нашей Днепровской милиции заявил на похоронах, что рассчитается с убийцами. Только его и самого убили. В машине взорвали. А потом статья была, что он сам связан был с уголовными элементами. Но я о другом. Я еще тогда подумал, что вот и у меня будет теперь враг.

Ну, а через месяц я познакомился с Мишей.

Вечером я подъезжал к дому, когда почувствовал неладное. И опять, как назло, близко никаких взрослых. Потом смотрю – стоит парень с метлой. Я его и раньше видел, когда он соседнюю улицу мел. Я знал, что он даун. То есть, болен болезнью Дауна. Из-за этого он в развитии остановился, и по интеллекту сейчас как пяти-шестилетний ребенок.

Мама у него уборщицей работала, а он ей помогал. Зовут его Мишей. Мальчишки его все время дразнили «Мишка, мишка, где твоя сберкнижка!», и камни кидали. А когда он бросался на них, разбегались. Но тогда я об этом не думал, просто не хотел дальше один ехать. Я подкатил к Мише и сказал: «Давай вместе пойдем, я боюсь». Он стал повторять: «Вместе, боюсь». Речь у него... та еще! Но пошел рядом. За-

ходим через арку во двор – ну точно, Вовка, и с ним еще какой-то парень, сразу видно – из блатных.

Вовка, как меня увидел, в улыбке расплылся, будто ему мороженое бесплатно дали. А Миша все повторял: «Вместе, боюсь», – и сзади моей коляски стал. Тоже испугался.

Вовка близко подходить не стал, видно хорошо мою ручку запомнил.

Он наклонился, поднял с дорожки кусок кирпича, и кинул в меня. Я даже почти почувствовал, как камень в меня врезается. Я крикнул: «Лови!»

Кому я кричал, и почему, не соображал. Сам я даже руки не поднял, чтобы прикрыться. Но Миша протянул свою руку сзади, и поймал кирпич. Это так было похоже на фокус, что все растерялись: и я, и Вовка, и парень, который с ним был, и сам Миша, кажется, тоже. Только вместо: «Вместе, боюсь», он стал повторять: «Лови, лови, лови».

Тут во двор заехала машина, парень, который с Вовкой был, крикнул: «Атас!», и они убежали.

С того дня я подружился с Мишей. Лет ему больше двадцати. Он, когда не волнуется, почти все понимает, особенно если не спешить и не говорить сложных слов. Он живет с мамой на соседней улице, и мы стали часто вместе ходить. Отец у него алкоголик, с ними не живет, а только изредка приходит. И Миша его боится. Миша вообще часто боится. Как многие дауны, он боится, чего не понимает, а не понимает он многого. Миша очень сильный. Руки у него сильнее

моих, а ведь я на спор гнул настоящие подковы.

Миша уже какое-то вместе лечится у физиотерапевта доктора Веры, как и я. Он хотя сильный, но руки и ноги у него короткие и больные, и их нужно разминать все время, а то по ним кровь течь не будет. Это у него какая-то аномалия, что он сильный. Дауны такими не бывают.

Главная достопримечательность в нашем городе, это Дворец творческой молодежи.

Раньше он назывался Дворец пионеров имен Ульянова. А еще раньше, до революции, это была усадьба настоящего немецкого барона Альбрехта-Фридриха Коппенгефера, который состоял в каком-то родстве с Императрицей Александрой. В ее честь главное здание усадьбы в 1900 году было названо Александровским дворцом. Построили этот дворец в 1895 году. Я все так подробно знаю, потому что к 100-летию нашего дворца готовил специальный стенд. Во дворце я занимаюсь в компьютерном классе. Барон Альбрехт-Фридрих был тяжело ранен на какой-то войне, и сделал во дворце целую систему лифтов. Так уж совпало, что более тридцати лет директором дворца был герой гражданской войны Сергей Бородин, инвалид без обеих ног. Так что он лифты поддерживал в хорошем состоянии, и многие инвалиды, как я, ему за это благодарны. Теперь на третьем этаже нашего дворца компьютерный класс, в котором я занимаюсь, а во дворе – спорткомплекс с бассейном для инвалидов. Называется «Спортивно-оздоровительный комплекс для лечения

и профилактики больных с поражениями опорно-двигательного аппарата». Без тренировки такое не выговорить. Поэтому зовут его просто: «Бассейн инвалидов», или «Бассейн ДТМ» ДТМ – это сокращение от Дворец творческой молодежи.

Здесь, во дворце, я провожу большую часть жизни. С третьего по седьмой классы я учился в обычной школе. Это было тяжело. Меня ребята на руках по этажам таскали из класса в класс. И коляску два раза крали. А потом я еще в бассейн ДТМ катил. Теперь учусь здесь, за компьютером. Экзамены за восьмой класс сдавал «экстерном». Так намного легче. Пять лет назад, когда я впервые сюда пришел, в классе стояли только два жутких разбитых компьютера, времен Советского Союза. Но потом мы с ребятами на этих гробах сработали для главного городского предприятия, Завода тракторных двигателей, финансовое обоснование для много миллиардного кредита.

И вот результат – десять новеньких машин, постоянный Интернет, и, главное, постоянная возможность немного заработать. В Интернете всегда есть работа для тех, кто сообщает: то сайт кому-нибудь построить, то программу приспособить. И почти всегда платят. Потому, что тем, кто не платит, подпускают троянских вирусов. И это им дороже обходится. Теперь обновляем мы оборудование за свой счет. Миша тоже любит здесь сидеть. Для него стоит в углу старый не апгрейдерированный компьютер, для которого я напи-

сал специальную игровую программу. И Миша на нем играет. То есть иногда рисует, иногда строит дом из деталей или целый город. Что-то вроде стратегий типа Сим-сити и Тай-кон, только попроще.

Познакомились мы с Мишей в октябре. Программу я эту написал в январе, а в марте начались эти странности.

Как-то после занятий в спорткомплексе поднимаюсь я на лифте на наш третий этаж, заезжаю в класс – Миша сидит перед экраном весь красный, напуганный, и громко повторяет: «Голе, голе!» Я не всегда его понимаю, особенно если он волнуется. Но то, что он повторял, было похоже на «горе». Гляжу – на экране монитора катер идет через реку, а потом исчезает. Та программа, что я писал, все это предусматривала, только нужно при этом курсором на кнопки в окошке нажат. А у Миши это само происходило, как в мультике. Ну, я подивился – Миша, конечно, сам усовершенствовать программу не мог. Выходит, кто-то из наших расстарался. Хотя мы договаривались: Мишу не обижать и над ним не прикалываться. Доктор Вера говорила мне, что дауны эти приколы ощущают как обиду, только не могут понять, за что их обижают.

Ну, я у наших спросил, и никто не признался. Потом я сам попытался разобраться.

Оказывается, там программа была дописана, причем очень интересно. Я ее на Турбо Паскале писал, и те строчки, которые добавились, сам ни за что бы не вставил. Они про-

тиворечили основной программе. Случай забавный и непонятный. А через месяц, в апреле, Вовка вместе с дядей поехали на рыбалку, и не вернулись. В городе разное говорили. И что они на mine времен войны подорвались, и что это другой бандит, Гвоздь, их утопил. Но ни лодки, ни тел не нашли. Был еще слух, что Горыныча с племянником видели где-то не то в Японии, не то в Австралии. Что это он воровской общак (вроде кассы взаимопомощи у бандитов) забрал и сбежал. Не знаю. Бандитов в городе меньше не стало. Только Гвоздь, который после Горыныча всеми командует, не такой беспредельщик: ни живыми людей не закапывал, ни животы не вспарывал, ни к стенке не прибивал.

Но я опять не о том. Я, когда про Вовку узнал, сперва просто обрадовался, что меньше проблем будет. А потом вспомнил эту загадку с Мишиной игрой, и призадумался. Стал про всякие парапсихологические вещи читать. Но это не помогло. Предвиденье у меня и самого есть. Правда, совсем чуть-чуть: когда грозят неприятности, я как бы заранее знаю. Мне плохо, и тошнит, хочется спрятаться куда-то.

А что тогда с Мишиной игрой произошло – непонятно. А пока я раздумывал, да прикидывал – Миша новое предсказание выдал. Это уже в августе 99 года. Я был на связи с парнем из Лос-Анджелеса, по Аське с ним разговаривал (Это так программа связи ICQ называется), обернулся – Миша покраснел, руками машет и твердит, как раньше: «Голе»

На экране город, и потом все дома рушатся. Опять повто-

ряющийся мультик. Мы с Мишей в классе одни уже часа четыре сидели. Были с утра другие ребята, но они – то ничего не делали. То, что никто к Мишиной железяке (так старые компьютеры называют) не подходил с утра, – факт. В программе такие же нелогичные, но действенные изменения. Ну, я изменения все стер, и стал ждать, что же случиться. Через неделю, вечером я прочитал в Интернете о землетрясении в Турции. Жуткое землетрясение, город сметен с лица земли, десятки тысяч людей погибли и ранены. Один случай – это случайность, два – совпадение. Чтобы появилась закономерность – нужен был третий случай. Я забросил учебу. Договорился с директором ДТМ, Семеном Семеновичем, чтобы Мишу приняли уборщиком на полставки, это чтобы его мама не заставляла улицу мести. Приходил с утра вместе с Мишей в компьютерный класс, и наблюдал за ним весь день. И дождался.

В понедельник, почти с самого утра, стал Миша краснеть. Потом он пробежал пальцами по клавиатуре своего компьютера. А ведь раньше клавиатурой он не пользовался никогда! Я все видел: Миша вошел в программные файлы, и стал их править. При этом он даже не смотрел на клавиатуру. Печатал вслепую. И все больше пугался. А потом вошел в игру. И я увидел, как грузовик подъезжает к большому дому, и взрывается, а дом рушится. Прошло две недели. Мы узнали о взрыве в Волгодонске. Я сделал два дела: посадил Мишу за современный компьютер (пришлось даже поругаться

с заведующим компьютерной секцией, но я его убедил), и долго рассказывал и показывал ему все возможности Интернета. Внешне Миша никак не реагировал. Из всех игр он по-прежнему предпочитал свою. Ту, что я для него написал. Но он почти каждый день стал вносить в эту игру свои усовершенствования. Делал он это совершенно несознательно. Но теперь в его игре появились гуляющие и работающие люди, стало много видов транспорта, много новых строений, и, главное, он как бы начал делать, строить карту всего мира. Через неделю ресурсы его компьютера исчерпались. Он забил информацией (географией, картографией, играми, картинками и видами техники) все 10 гигабайт! Я поставил на компьютер второй жесткий диск, на 20 гигабайт, потом третий. Пришлось покупать новый модем, совершенствовать процессор, оперативную память, системную плату. А Миша все работал. Теперь он пребывал в испуганном состоянии по полдня, и почти каждую неделю выдавал новые предсказания. Я уже мог точно расшифровать, что значили его мультики. Чем ближе было от нас место события, тем за больший срок Миша мог его предсказать. Циклон и наводнение в Перу Миша предсказал за два дня. Взрыв баллона с газом в нашей котельной – почти за два месяца. Что делать со свалившимся на меня открытием, я не знал. О взрыве в нашей котельной я говорил с директором дворца, с кочегаром. Но директор слег в больницу с инфарктом, а кочегар был вечно пьян. Так я ничего не добился, и попытался связаться с Укра-

инской Академией наук. На мои обращения отвечали секретарши, какие-то аспиранты. Мои объяснения о возможности предсказания катастроф и несчастных случаев осмеивали. И мне надоело. Что пользы знать о том, что в Индии сойдет с рельс поезд, или на шахте Комсомольской оборвется лифт. Предсказанные события все равно произойдут. Уж так этот мир устроен.

А потом я убедился, что мои попытки хоть кому-то помочь, не бесполезны, а опасны.

Когда Миша предсказал катастрофу самолета Як 40Д, я уже почти не надеялся из чиновников кого-то убедить. Я вошел в компьютерную сеть аэропорта, и задал программу световому табло, чтобы каждые пять минут высвечивало предупреждение: «Самолет RA-88170 ожидает крушение, отмените рейс. Пассажиры, откажитесь от билетов». Так что вы думаете? Они даже просто самолет не проверили перед вылетом! А билеты никто не сдал, потому что это был спец рейс и спец пассажиры. И они, конечно, прошли через спец коридор и то табло не видели, а им никто ничего не сказал. Но диспетчеры почти сразу отключили главный компьютер, и, кроме Яка, еще два больших пассажирских лайнера едва не разбились! Зато на меня устроили охоту! ФСБ России гребло всех хакеров частой гребенкой, считая, что это я виноват в катастрофе!

Слава Богу, комиссия быстро установила, что самолет погиб из-за обледенения и ошибок пилота. Охоту прекратили,

но выводов никто не сделал. Уже через два месяца все повторилось с военным вертолетом под Грозным. ФСБ искало хакера, который высветил сообщение о гибели вертолета на мониторе начальника штаба группировки войск. Но полет никто не отменил. Идиоты! То же самое произошло с подводной лодкой «Курск». Я знал о ее гибели за неделю. Я послал сообщения Командующему Северным флотом, и командиру подводной лодки. И кто, по-вашему, отреагировал? Командир подчинился приказу, он не мог не выйти на учения, а вот что должен был потом чувствовать Командующий флотом? Хотя, еще вопрос, дошло ли сообщение до него?

Разгадать феномен Мишиных предсказаний я не смог. Помочь людям не смог. Если бы Миша хоть предсказывал по какой-то системе, я бы открыл фирму по предсказаниям. Или в газетах гороскопы бы печатал, вроде Глобы. А без системы такие предсказания никому оказались не нужны.

Я опять посадил Мишу в угол, к его старой железяке, чему он был, кажется очень рад. Предсказания почти прекратились, зато Миша стал намного спокойней. Да и предсказывал он все какие-то разбитые машины. А я погрузился с головой в занятия. Я ведь с этими предсказаниями почти год потерял. Но за полгода все наверстал, и подготовился к экзаменам за девятый класс.

Но вот месяц назад, поднимаюсь я на лифте на наш третий этаж, вхожу в класс, и вижу – Миша покраснел, тычет пальцем в экран – а на нем два высотных дома, и они взрываются.

Я, еще когда Мишу отсаживал от его суперкомпьютера, хотел все его накопления стереть. Да все руки не доходили. Потом одна туристическая фирма договорилась своих туристов на этом компьютере инструктировать по тем городам, куда путевки оформлялись.

Это оказалось очень выгодно. На добытых Мишей картах и гостиницы и музеи были, и магазины.

Туристы были очень довольны, и нашему классу кое-что перепало.

Так что программа была, Миша все равно был испуган, и пересадил я его за тот усовершенствованный компьютер. Просто из любопытства. Через минуту вижу мультик: самолет врывается в один из Близнецов в Нью-Йорке, а потом второй самолет врывается во второе из зданий, а потом третий самолет – в здание Пентагона. Я отсадил Мишу обратно, отключил компьютер, и стал думать: До тех событий, что я увидел на мониторе (а что они произойдут, – я не сомневался, у Миши осечек не бывало) – чуть меньше полутора суток.

Предотвратить я ничего не могу. Это уже тоже проверено. Причины тоже понятны.

Террористы. Какие-нибудь Красные бригады или наоборот, фашисты.

Но мне, мне-то что делать? Предупреждать? Бесплезно. Можно хоть денег заработать. Я недавно на одном сайте прочел про биржевую игру.

Оказалось очень интересно. Можно играть практически

без денег. Любой человек или фирма вступает в отношения с брокерской конторой, и если знать будущие события, то можно сыграть на повышение или на понижение за счет «ночных кредитов» То есть деньги занимают на одну ночь в Японском банке, а игра ведется на Лондонской бирже в течение рабочего дня. Если ты выиграл – весь доход твой. Сложность только, что заем (этот самый ночной кредит) дают либо банкам, либо таким фирмам, которые представляют гарантии.

Но для меня это уже давно не проблема. Мне ведь компьютер больше чем пол жизни заменил. Я в интернете живу. И то, что ребята чуть не подвигом считают, всякие хакерские штучки, для меня – как для вас – ходить. Я даже не особо напрягался.

Через Украинскую Торговую Палату нашел подходящую украинско-немецкую фирму-посредника. И якобы заключил с ней договоры от имени полусотни фиктивных фирм. Это наш старый прикол. Мы давно стали создавать такие фирмы, которые вроде как зарегистрированы в госреестрах, но от фирмы есть только номер и данные, чтобы официально связываться. И вот через все эти фирмы передал гарантийные письма, как залог по кредитам. От имени реальной фирмы-посредника оформил поручения на сделки с одним брокером из Нью-Йорка на операции на бирже Форекс. Брокер этот был из списка неблагонадежных, но и принимал под операции всякие гарантии, не только те, что положено. Зато

и свой процент брал завышенный вдвое. И он всю ночь играл по моим указаниям с валютой. И когда доллар стал падать, операции шли уже на сотни тысяч долларов. В 10 закрылась Нью-йоркская валютная биржа. Я расплатился с брокером за счет полученной маржи и к 6 вечера по Киеву перевел результат операций – 150 миллионов долларов, по одному миллиону в 150 разных банков на территориях Швейцарии, России, Украины и Белоруссии. Все вклады, кроме швейцарских, на подставные фирмы. А швейцарские на предъявителя специального пароля. Есть у них такая услуга. Конечно, все эти операции потом когда-то ревизоры вскроют, как мошеннические. Но реально я получил только маржу со спекуляции нереальными активами, и никто как бы не пострадал. Доллар ведь и так падал.

Следующие сутки я спал. О том, что во взрывах виноват Бин Ладен, я узнал только через день, из теленовостей. Я пытался понять, что я чувствую, став мультимиллионером.

Я не чувствовал ничего. У меня было много денег, и я мог их потратить. Мог, например, отправиться в путешествие. И я представил себе, как я, на коляске... Нет, уж лучше в родном Днепровске. Да, я мог купить самый современный компьютер домой. Но я ведь так привык к ДТМ, и там были ребята. А на апгрейд, на совершенствование «железа» и на любые программы мы всегда могли заработать.

Когда пришла с работы Мира, я спросил ее: «Мира, я тут подхалтурил, деньги появились. Может, купим новую боль-

шую квартиру?»

Она крикнула «Нет!» с таким испугом, будто я предложил ей человека зарезать. Потом добавила: «Если есть лишние деньги, отложи мне на похороны. Я ведь уже немолодая. А похороны сейчас дорогие».

Вот и вся история. Почти каждую ночь я вижу сон: из развалин Торгового центра в Нью-Йорке встают мертвецы, машут обломками рук и ног и молчат, но я слышу голоса: «На наших костях ты заработал сто пятьдесят миллионов!» А я кричу в ответ: «Я ни в чем не виноват! Я не сделал ничего плохого!» И мне очень страшно.

Хотя днем я понимаю, что и вправду ни в чем не виноват. Я ведь только заработал деньги. Я думал, что они мне нужны. Оказалось – я ошибался.

Потом стал деньги переводить на счета детских домов, всяких больниц. Или покупал продукты и подарки. И сразу посыпались сообщения в интернете, как эти деньги и продукты разворовывают. Оказалось, что все нужно делать не так. Что чуть не за каждой копейкой нужно следить, чтобы она пошла на пользу. Ну я посоветовался с ребятами в интернете, с юристами и даже с одним депутатом, который все воров разоблачал. И через общественные организации стал создавать всякие комитеты контроля, нанимал ревизоров от их имени. Так активистов обвиняли во всех грехах и даже уголовные дела на них заводили. Получалось, что эти деньги как проклятые, только вред приносят. А потратить с толком

я не смог и четверти. Я тысячу раз себя проклинал за то, что полез в эти биржевые спекуляции.

Вот я, такой богатенький и умненький буратина, могу наделать много зла, могу украсть или наспекулировать много денег. Но даже сам себе новых ног купить не могу. И Мише думалку улучшить не могу. И вдруг понял, что по уму я – как Миша. Я уже много лет прожил, 17 лет. Сдал экзамены за 10 й класс. И учил я, выходит, что-то не то.

И еще: каждый из нас как инвалид. Я вижу, как вокруг ходят люди. Но я не понимаю, как это – ходить. Миша не понимает, как это думать, решать задачи. Те, которые обворовывали детей и больных не понимают, каково это быть больным или ребенком без мамы и папы. И еще тысячи и тысячи людей живут своей жизнью и не понимают жизнь других людей.

Но я зато знаю теперь, что нужно делать. Я буду учиться, и все сделаю для того, чтобы научить других людей хоть немного понимать друг друга.

Потому что это плохо – быть инвалидом.

2 День смерти-день рождения (Инвалид 5)

2020 г

Солнце как нашкодивший мальчишка спряталось за зубцами крепостной стены, и вишневые сумерки опустились на Город старых башен.

Я выполз из-за прилавка, взгромоздился в свою инвалидную коляску, и подкатил к окну. На улице уже никого не бы-

ло, и только отблески фонарей Веселого квартала играли на брусчатке мостовой.

Финита! Еще один день сыгран. Я закрыл железные ставни, сложил непроданные остатки хлеба и булочек в короб возле порога (утром, еще до света, за ними придут нищие из-под моста), и выкатился из булочной. Лампа под вывеской, конечно, не горела, но вывеска лаково отсвечивала в цветных лучах. В Веселом квартале свет горит всю ночь.

Вывеска-то убогая такая. Традиционный крендель и надпись «Сдоба Иоанна». Бррр... Поменять бы ее, но тогда нарушатся правила игры. А может быть, когда-нибудь я ее поменяю.

Я запер дверь, и хотел уж было оттолкнуться, чтоб докатиться под уклон до самого дома. И тут я увидел ее. То есть тогда я увидел худого парнишку с книжкой, присевшего на камень под окном булочной.

Я злой и старый инвалид, мне неведома жалость. Но парнишка тот выглядел потерявшимся котенком из богатого дома. Было что-то в его позе. Эдакое отчаяние от потери всего хорошего. Я все думал, кого сыграть: Скруджа или Деда Мороза?

Подкатил поближе и сказал: «Если ты голоден, я могу дать тебе хлеба»

Было достаточно темно, и мою ошибку можно простить. То, что это девушка я понял, когда она ответила: «Нет, я не голодна, только очень устала. И мне негде ночевать. Меня

зовут Анна». Я хотел было традиционно буркнуть: «Под мостом для всех есть место», но что-то сломало игру. Может быть голос. Голос был красивым и глубоким. Я когда-то, в молодости, слышал такой в опере – Кармен – не Кармен, но про цыган. В общем, я отступил от всех своих правил, забыл о всех разумных предосторожностях, проворчал: «Пойдем, придумаем что-нибудь». И оттолкнувшись, покатил под гору.

В Город старых башен я попал лет шесть назад. Тогда я искал место, где смогу умереть красиво. Только одна фраза звучала в моей голове: «Он умер в кругу близких, оплаканный всеми, знавшими его, и тысячи опечаленных сограждан сопровождали его гроб до могилы»

Я потерял сразу двух близких людей, и жить в родном городе больше не мог. Один знакомый моряк рассказал об этом странном городе. Город у моря, где пахнет морской пеной и свежей рыбой. Город, в котором нет машин и мобильных телефонов, где время остановило бег. Как раз для меня. Он помог мне сюда добраться. Я купил крошечный домик: одна комната, коридор, кухонька и ванная, и садик с тремя чахлыми вишнями. Но из окна комнаты видно море, и в ней есть настоящий камин. Вокруг живут, в основном, рыбаки. Еще я купил булочную. По имени ее бывшего хозяина, которому перерезали горло, меня тоже стали звать Иоанном. Город старых башен – бывшая генуэзская крепость. В нем правят три власти: мэр и две компании – морская и сухопут-

ная. Чтобы было ясно, что это за компании, я их называю бандами. Булочная как раз посредине владений двух банд. Но меня не трогают. Кому нужен несчастный инвалид? Кроме того, это единственное место в городе, где могут встретиться главари. Как бы нейтральная территория. Оба главара (уважаемые бизнесмены, все зовут их по имени-отчеству), поклялись размазать по брусчатке того, кто на меня и мою булочную посягнет. Все равно приходится держать пистолет под прилавком. Однажды молодой мясник, обкурившись гашиша, бросился на меня с ножом. Пришлось прострелить ему ногу. Стрелять-то я учился... Давно это было. А мясник потом умолял меня не проболтаться, чтоб бандиты не узнали. Он до сих пор на каждый праздник мне приносит здоровенный окорок.

В свой домик я и повел нежданную гостью. Когда мы зашли (то есть она-то зашла, а я закатился), я зажег свет, и увидел, что девчонка грязна и действительно очень утомлена. На ней были потертые и замызганные джинсы и старый, линялый свитер. Недлинные волосы свалились, под глазами синие круги. Самое место под мостом. Но кто сказал «А» ...

– Иди в ванную. На полке чистое полотенце и пижама. А вещи свои сбрось в углу, им на свалке место. Завтра я найду тебе что-нибудь. Да, если у тебя вши, то гребешок и мазь от вшей в синей коробке возле зеркала.

Не уверен, что так сказал бы Дед Мороз, но мне нравится. Я строгий и ворчливый, но где-то очень глубоко в душе –

добрый.

У меня только одна кровать. Да в этой комнатке и не поместилось бы больше. Но у камина стоит большое мягкое кресло с особо выгнутой спинкой. Я его специально заказал. Вечерами я часто зажигаю камин и читаю или пишу, полусядя в этом кресле.

Пока Анна мылась, я перебрался в кресло, и взял в руки «Историю Рима» Моммзена. Сквозь шум воды слышался ее голос. Она что-то напевала. Книга стала очень тяжелой. Я вспомнил то, чего вспоминать не хотел...

ДЦП- это детский церебральный паралич. Чаще всего он случается из-за инфекций или отравлений в период беременности матери. Моя мать работала на химическом комбинате. Позже они с отцом там и погибли. Ну а я получил ДЦП.

То, что ниже пояса, бездействовало. А потом, в 20 лет, кто-то в небесах что-то перепутал. Случилось чудо. Я получил любовь и здоровье в одной упаковке. Стал нормальным человеком. Пять лет десять месяцев и шесть дней счастья, которому, наверно, позавидовали бы боги. Потом та жуткая катастрофа на круизном лайнере. Погибло больше тысячи человек, и моя любимая. Меня вытащили из воды – полусумасшедшего и вновь полупарализованного. Я боялся воды, даже когда она была в стакане. Моя тетка и друг выходили меня, вернули к жизни. Ко мне вернулось то, что совсем не было нужно – разум. Хотя и не совсем. А потом, после их смерти, я добрался сюда, в город без времени, чтобы каж-

дый день видеть море – могилу моей любимой. И играю сам для себя маленькие одноактные пьески под общим названием «Жизнь – это период подготовки к смерти»».

Я надеюсь, что до могилы меня будут сопровождать по крайней мере несколько действительно опечаленных человек. Об этом я думаю каждый день.

Я знал, что мне немного осталось. С ДЦП долго не живут. Просто я пришел в этот театр, чтобы доиграть. Сам себе режиссер, актер и публика. И даже немножко бог. Женский голос из ванной заставил Бога вспомнить, что не все спектакли удаются...

Наконец я сосредоточился на книге. Заговор Катилины... Черт знает что.

Честолюбивые убийцы – это слишком патетично! Правда Цицерон хорош! Рыжий клоун, случайно получивший роль премьера. Как он старался соответствовать! Вот наука: не строй из себя... Впрочем, что мне до них?

Я не слышал, как она вышла из ванной. Моя пижама была ей велика. Висела мешком. Волосы. Гладкие, каштановые. Она, отмывшись, выглядела достаточно симпатично. Лицо совсем мальчишечье, чуть вздернутый нос, густые брови, крутые скулы и мягкий подбородок. Только губы полные, женские. И очень большие глаза. На правом виске небольшой шрам. Но сейчас ей не до разговоров. Это видно.

– На столике возле кровати бутылка с ромом. Налей себе

рюмку, выпей и ложись в кровать. Утро вечера мудренее.

Она послушно выпила ром, забралась в кровать. Потом оглядела комнату, и спросила: «А как же ты?» Но ответа уже не услышала. Уснула. Я еще какое-то время скользил глазами по строчкам, но потом выключил свет и только слушал ее тихое дыхание и глядел на то, как далеко, у горизонта, фосфоресцировало море. В июне оно всегда фосфоресцирует.

Утро было прозрачным и добрым. Я не спешил в булочную. Туда первым, еще затемно, приходит Георгиос, мой юный помощник-грек. Сын соседки – вдовы рыбака, работает у меня уже года четыре. Прибирает, привозит на тачке из пекарни свежий хлеб, и булочки из кондитерской, а по утрам выставляет за порог короб со вчерашним хлебом для нищих из-под моста. Он и по дому мне помогает. Его мать и три сестренки с тех пор, как он стал работать у меня, молятся каждый день о моем здоровье. Ведь, пока он у меня, они сыты, а он не попадет в банду. Они еще не знают, что я написал на Георгиоса завещание на дом и булочную. А знали бы, о чем тогда молились? Впрочем, несмотря на их молитвы, почти всю эту зиму я проболел. Какая-то лихорадка со сложным названием. Еще пару таких зим, и Георгиос вступит в наследство. Сейчас ему только 15, так что чуть подождет.

Уже давно, глядя на море, я не говорил любимой: «Здравствуй!» Сегодня сказал. И это было не патетично, а романтично. А она ответила мне, точно по сценарию, звонким криком чайки.

И еще она нежным солнечным лучом приласкала мне лицо, как ласкала его когда-то по утрам.

Анна еще спала. Одеяло сбилось. Солнечный луч из окна пробежал по узкой ступне, пощекотав маленькие пальчики. Действительно, почти детская нога. Лицо уже не было таким бледным, как вчера ночью. И синие круги под глазами исчезли. Зато отчетливей видно было, какие у нее длинные ресницы. И резче проступил белый шрам на виске. След ножа? Она слегка повернулась и что-то пробормотала сквозь сон. Под пижамой отчетливо проступила грудь. Уже вовсе не детская. Ну-ну... На травести она уже не годится. Уже не Джульетта... но еще не Оливия. А я собираюсь сыграть Бенволио, не иначе! Съехавший с ума старый паралитик за пол года до могилы задумался о женщине! Курам на смех! Я перебрался в свою каталку и направился в ванную. Душ по утрам мне просто необходим. Это не самая приятная часть дня. Нужно выполнить процедуры с конечностями. Потом переодеться. Здесь же, в ванной, унитаза и биде. И специальные перекладки. Иначе как бы я тут перемещался?

А когда я выкатил из ванной, то буквально натолкнулся на ее взгляд. Ну, как на столб.

– Это Город старых башен? – спросила она тоном больше утвердительным, чем вопросительным.

– Так его называют здесь, на карте он, кажется, называется иначе (Ну, чем не Бенволио?)

– А ты – Иоанн?

– Так меня называют здесь. И я уже привык к этому имени.

– А почему ты на коляске? Ты давно так?

– Милочка, ты задаешь нетактичные вопросы. Лучше б ты спросила, как я себя чувствую, или какая сегодня погода... Впрочем, я отвечу. Я «так» почти всю жизнь.

– Погоди, значит, ты не Иоанн?

– Когда-то меня действительно звали иначе.

– А где Иоанн?

– Анна, если только тебя действительно зовут Анна, почему так много вопросов? Ты уж объясни, пожалуйста, а то мне как-то непонятно.

– Я ищу Иоанна, владельца булочной. Он мне очень нужен! Очень!

Какая убедительность! Жаль, что я уже сказал, что не Иоанн.

– Ты опоздала на шесть лет. Тот Иоанн, который владел булочной все эти шесть лет ждал тебя на городском кладбище.

Она заплакала. Ну чисто девчонка, которой сладкую булочку не хотят покупать. У меня таких по три на день в булочной плачут. Потом, когда слезы потекли уже не рекой, а ручейком, я сумел ее расспросить подробней. Устарел Шекспир! Анна, по ее словам, росла в столице. Отец был большой начальник, и все у нее было очень хорошо. Пока ей не исполнилось 17 лет. Она окончила очень престижный колледж и

должна была ехать учиться в Сорбонну. Специальность – то ли психоэлектронника то ли электропсихика. Я так и не понял. Но вдруг ее отца посадили в тюрьму. Потом пришел его бывший начальник, сказал, что отца еще можно вытащить, но они с матерью должны вернуть те деньги, которые отец вроде бы украл. У них не было этих денег. Мать продала все, что у них было. Но этого все равно было мало. Потом матери сказали, что Анна может отработать долг в постели у начальника. Тогда мать и перестала соображать. Попала в психушку. А Анна сбежала. Про дядю Иоанна ей рассказывала мама, когда еще что-то понимала. Он был ее последняя надежда. Мама говорила, что у него есть деньги. И, хотя он жадный, но племянницу, быть может, пожалеет. Если не даст денег, чтоб вытащить брата из тюрьмы, то хоть спрячет ее у себя. Книжка, которую я у нее увидел, – это семейный фотоальбом. Я посмотрел. Морда у настоящего Иоанна действительно, выдавала очень жадного человека. Кашей и Плюшкин в одном лице. Вряд ли Анне что-либо у него светило. Разве что сдал бы ее в аренду в бардак в Веселом квартале. Я ей так об этом и сказал. В результате получил очередные реки слез.

Мог бы догадаться. Дальше надлежало что-то придумать с этой девчонкой.

Прятать ее бесполезно. Она показала в альбоме фото начальника отца, и я узнал его. То есть лично мы знакомы не были, но о его делах я, в свое время, читал. Очень крутой. И очень опасный по женской части. В газетах писали о двух

его женах, покончивших с собой, о пропавших бесследно де-
вушках, о тайном притоне в пригороде столицы.

Тут было над чем подумать. Отныне я – рыцарь, защища-
ющий вдов и сирот. И чем моя коляска не Росинант? На од-
ной из фотографий в альбоме отец Анны был с каким-то ти-
пом, похожим на меня. То есть на меня тех времен, когда я
ходил на двух ногах. Эту фотографию я и взял. Потом пре-
дупредил Анну, что если она выйдет из дома, то на нее напа-
дут пираты, бандиты и инопланетяне одновременно, а если
высунется в окно, то подстрелит снайпер-самоубийца. Еда в
холодильнике. Книги в шкафу. Телевизора, радио, магнито-
фона нет и никогда не будет. Никому не открывать. А если
вражеские армии взломают дверь – хоть под пытками утвер-
ждать, что она моя племянница, а я ее родной дядя.

После этого я покатил в мэрию. Секретарша впустила ме-
ня в кабинет мэра без вопросов и препирательств.

– Здравствуй Иоанн! Что ты все на коляске? Купил бы уже
машину! – это он так приветливо со мной шутил. Знаем мы
эти барские шуточки! Он знал, что машин я не люблю. Да и
некуда мне на машине ездить. В исторической черте города
внутри крепостных стен автотранспорту движение запреще-
но. Даже мэр ходит пешком. Мерседес ждет его на автосто-
янке за крепостными воротами. А всего в двух милях от го-
рода – порт. Там и машины, и мобильные телефоны, и ком-

пьютеры. Словом, сумасшедшая современная жизнь.

После моего приветствия заговорили о делах.

– Мэр, вот на фото я с братом. Брат работал во Всеобщих системах связи. Но его босс, этот рыжий боров, захотел его дочку, мою племянницу Анну. Он посадил брата, довел до психички его жену и насел на девочку. Это ведь полный беспредел. Девочка сейчас у меня.

Можете Вы спасти племянницу? (Все это – со слезой в голосе. Убедительно, чуть сентиментально, но без сю-сю. По моему – неплохо!)

Мэр Города старых башен не последний человек в нашей стране. Его влиянию мог бы позавидовать иной министр. Тому есть несколько причин, называть которые не стоит. Ну а мэр, в свою очередь, играет роль покровителя инвалидов. Кроме того, мне удалось решить одну очень сложную и запутанную проблему, связанную с личными и финансовыми взаимоотношениями мэра, его заместителя и его жены. Но это совсем другая пьеса.

Мэр достал из сейфа телефон с особым диском, и стал его накручивать. Я тактично отъехал в угол кабинета, но имена, которые я слышал, меня радовали.

В результате получасовых переговоров по этому хитрому телефону, мэр пообещал, что поможет решить проблему. Только на это нужно время. Пару месяцев. До этого времени покидать стены города племяннице не следует, а внутри стен ее, если нужно, защитит полиция. Ну, в этом я серьезно со-

мневался. От того, кто хотел Анну, никакая полиция в мире защитить не могла. Зато могли другие люди.

Я зашел в банк, и достал из своего сейфа несколько вещей, которые хранил как раз на такой случай. Потом я скатился в свою булочную. Я говорю «скатился», потому что мэрия находится в самой высокой точке города, в бывшем княжеском дворце. Георгиос отпускал покупателей. Он был расторопным и вежливым парнем, по-доброму шутил и мило улыбался. Не слишком умный, но и это – слава Богу! Зато не имеет комплексов. И не играет никого. То-то будет хороший булочник через пару лет!

Взгромоздившись за прилавок, я попросил парня повидать Хлыста и Грузина – обоих главарей банд (то есть, простите, директора концерна «Дары моря» Виктора Сергеевича Шматько и председателя Союза предпринимателей Приморского региона Сакварелидзе Георгия Шалвовича). Каждому я послал записочку с просьбой навестить меня в полдень. Мне нужны были они оба и сразу, потому что только так, ревниво следя за действиями друг друга, они представляли особую силу. Грузин, поддерживавший среди своих твердую дисциплину, «держал» игорный бизнес, и все прочие развлечения в городе, сервис, а также промзону за городом: склады, мастерские, автобусный и грузовой транспорт. Ну, а у Хлыста народ был вольный – контрабандисты и пираты. Каждый рыбак и каждый грузчик в порту платили ему процент. Под началом у каждого было по сотне отъявленных

головорезов, в том числе адвокаты и спецназовцы. В мэрию эти два «бизнесмена» никогда вместе не ходили. Только ко мне. В свое время мне удалось убедить обоих, что в равновесии их сила. Я говорил, как Дизраэли! Жаль, что никто кроме них не слышал!

У меня в булочной два входа: для тех, кто спускается сверху, из центра, и для тех, кто поднимается снизу, от моря. Оставив своих бугаев-телохранителей на улице, оба зашли ко мне в булочную ровно в полдень, под бой часов на башне княжеского замка, каждый через свою дверь. Я перед этим удалил всех покупателей, а Георгиос поставил посреди зала стол, два стула, и уже нес кофе.

Хлыст, бывший морской десантник, здоровенный и вроде даже неуклюжий, ум имеет острый и пронырливый, слывет большим любителем парадоксов. Грузин – бывший спортсмен, любит во всем систему и порядок. Преферансист. Любит планировать и терпеть не может, когда планы нарушаются. Вот этим, столь несхожим людям, я и изложил свою просьбу: на племянницу охотятся, и ее нужно побереечь. Месяц, ну пусть два.

Хлыст первый сказал: «Добро!» Ему улыбалась перспектива посоревноваться со столичными фраерами. Ему лишь следовало сказать всем своим: «С моря ни одного чужого в город!» Грузину это явно нравилось меньше. Отвлекать людей от уже распланированных дел он явно не хотел. С другой стороны, это была новая интересная комбинация, и он уже

начал планировать. Я словно читал в его лице: «Трех человек и джип к посту дорожной полиции, двух человек на автозаправку, по два человека на городской автовокзал и пригородную автостоянку, распоряжение в гостиницы, нищим под мост». Наконец он проронил «Согласен!». Ни один не сказал о своих затратах. Не перевелись еще у нас джентльмены! Впрочем, я тоже не хотел оставаться неблагодарным. Вечером Георгиос отнес каждому из них небольшой футляр. Хлыст получил малайский крис XVI века (он собирал коллекцию ножей), а Грузин, любитель искусства, – православную икону XIX века в серебряных ризах. Я же сыграл роль рыцаря, спасающего девицу от дракона. Что может быть прекрасней! Множьте добрые дела!

Домой я вернулся, как всегда, затемно. Анна сидела в кресле, поджав колени к подбородку, и глядела в камин. Там догорало, уже подернувшись пеплом, толстое березовое бревно. Ее одежду я выбросил в мусорник еще утром. Но сейчас принес новые джинсы, свитер и кроссовки. И халат – хватит ей ходить в моей пижаме!

– Все, красавица! – сказал я, – период отшельничества кончился. Отныне и до особого распоряжения стены твоей темницы расширяются до стен этого горда. Завтра ты, вместе с моим помощником Георгиосом, обойдешь весь город чтобы каждый налогоплательщик и каждый нищий запомнил твое ясное личико. Так мы сэкономим тебя от позора и поношения, дабы неповадно было... – как завершить эту глупую

фразу я так и не придумал, поэтому попросил Анну достать из кладовки на кухне оплетенную лозой бутылку и сыр из холодильника.

Крестьяне, что живут на окрестных горах, испокон веку выращивали виноград и делали вино. Некоторые сорта местного вина могли бы выигрывать золотые медали на выставках, если б кому-нибудь взбрело в голову туда эти вина послать. Но пока, слава Богу, этими винами наслаждаются жители Города старых башен. То, что поставила на столик Анна, было темно-красным, густым, сладким и пахло почему-то сухой выжженной степью. Я налил вино себе в пузатый бокал, ей в маленькую ликерную рюмочку. Мы выпили за тех, кто в море, и за успех нашего предприятия, потом за то, чтоб нашим врагам снились огромные тараканы, потом за здоровье полицейских и воров. Потом я понял, что очень даже пора спать. Ведь прошлую ночь поспал совсем мало, а день был напряженный. Анна пошла в ванную, а я подкатил к креслу, и перебрался в него. Книгу я взять не успел. Заснул сразу. Давненько я так быстро не засыпал!

И снова ласковое, уютное утро. Любимая бросила мне в глаза солнечный лучик. Однако пора! Когда я вышел из ванной, Анна еще спала.

– Вставайте, Принцесса! Вас ждут, как утверждал один социалист, великие дела! Нынче Вас представляют двору! Его величество рабочий класс уже ждет с нетерпением. Нельзя спать в такой день!

Анна проснулась легко, вскочила с кровати и умчалась в ванную. Когда она вышла оттуда, я ощутил чувство, похожее на гордость. Мне не довелось стать отцом, но, думаю, что именно так себя чувствуют отцы, выводящие красавицу-дочь в свет. (Лев Гурыч Синичкин, привет!) Хотя мне Анна даже не племянница.

– Пошли, красавица. Ты позавтракаешь в городе. Сегодня весь он у твоих ног.

И мы пошли. То есть опять же, она пошла, а я покатил. Через десять минут мы были у порога моей булочной. Я позвал Георгиоса.

– Сынок, это моя племянница. Ее зовут Анна, и она поживет у меня какое-то время.

У нее неприятности там, в большом мире, ее хотели забрать себе нехорошие парни. Поэтому она и приехала ко мне. Хлыст и Грузин обещали, что у нас она будет в безопасности. Но ты с ней погуляй по городу. Представь ее людям. Пусть все знают, какую жемчужину мы забрали у нехороших парней. Ты возьми вчерашнюю выручку, чтоб вы могли перекусить, да и прикупить чего-нибудь, что она захочет.

Они ушли, а я весь день провел за прилавком.

Когда я прикатил домой, Анны еще не было. Я сидел в кресле, держал в руках «Записки о Галльской войне», но читать не мог.

Окно было приоткрыто, и я хорошо слышал в ночной тишине музыку и смех из Веселого квартала. Вот принципи-

ально не буду о ней думать!

Они пришли далеко за полночь. Еще издали был слышен ее смех, потом она запела что-то. Георгиос пытался ее утихомирить, Боже, да она пьяна! Упала! Они завозились у входной двери. Георгиос хотел уйти, но она, видно, совсем не держалась на ногах. Он затащил ее в дом, и, как мешок, бросил на кровать. Я молчал, и пристально смотрел на него. Мальчик был очень смущен.

– Иоанн, она просто очень устала. Мы обошли весь город, и теперь каждый нищий и каждый лавочник знают ее в лицо. А потом сидели в кабачке у Остапа. Выпили совсем чуть-чуть вина. Она танцевала без конца, очень понравилась Остапу, и он сам угостил нас украинской горилкой с перцем. Ее просто от усталости развезло.

Георгиос всегда говорил правду. Ну что ж! После того, что эта девочка пережила, она могла расслабиться.

Остаток ночи я без сна провел в кресле. Спокойное течение жизни нарушилось, и я еще не знал, стоит ли об этом жалеть. Я ведь, кажется, хотел именно покоя?

Утром я покатил в булочную, когда она еще спала. Ничего. Пусть проспится.

После полудня послал Георгиоса со свежими булочками к себе домой. Он вскоре вернулся, и сказал, что Анна только проснулась, передала за булочки «Спасибо», и обещала чуть позднее подойти в булочную.

А потом она пришла. Я сперва и не узнал ее. В булочную

вошла суперзвезда. Шикарное, облегающее, открытое красное платье, красная широкополая шляпа с тонкой черной лентой, тонкие черные туфельки на высоком каблуке с крошечными красными камушками и такая же черная с красными камушками сумочка. И большие черные очки, тоже с крошечными красными камушками. Но главное – фигура, походка. Это действительно была звезда. Королева подиума. Оказывается, они с Георгиосом вчера купили ей эти шмотки в лучшем магазине города. Сюрприз мне делали. По этому поводу мы закрыли булочную раньше обычного, и пошли кутить к Остапу. Мне тоже хотелось расслабиться. На двери я повесил объявление: «Желающие выпить за мой счет, милости прошу к Остапу»

Остап – мой приятель. Мы с ним иногда играем в шахматы. Он бывший моряк, и у него одна рука. Вторую когда-то отгрызла акула. В летнюю пору Остап выставляет столики на площадь перед своим кабачком. У него не так изысканно, как в ресторанах и барах Веселого квартала, но его жена замечательно готовит рыбные блюда, цены доступны, а маленький оркестрик знает бесконечное количество мелодий. В этот вечер у него было людно. Анна была безусловной королевой. С музыкантов пот лил в три ручья, а она, не уставая, танцевала каждый танец. Сам Остап сплясал с ней горячую самбу. Эта девочка, которой и 18-и то не было, влюбила в себя всех. Я видел, как Шкворень, один из людей Хлыста, увел в темноту двух здоровенных моряков, которые осо-

бо рьяно к ней приставали. Обрато они вернулись поврозь. Моряки притихли, быстро расплатились и ушли. Шкворень умел убеждать. А Анна все танцевала. Георгиос выбился из сил. Только красивый невысокий паренек с длинной черной гривой держался с ней наравне. Судя по говорку – голубой. Ну и пусть! У нас здесь демократия и плюрализм.

Поздно вечером подошел сын Остапа, сам моряк. Его попросили спеть, и он взял в руки гитару, и запел красивым, высоким голосом:

Прощай, родная. К черту грусть!
Не стой у пирса сиротливо.
Я может быть к тебе вернусь.
В полночный час с волной прилива.
Я вернусь! Я вернусь! Я вернусь!
Я вернусь, и насмешливым глазом
Будет солнце блестеть в небесах
Будут чайки лететь и рыдать над баркасом
Будет ветер гудеть в парусах
А если даже не вернусь,
Не так уж велика потеря
Пусть ты взгрустнешь разок и пусть
Другой не ждет в тот день за дверью
Ну и пусть. Ну и пусть. Ну и пусть.
Ну и пусть. Пусть насмешливым глазом
Будет солнце блестеть в небесах
Будут чайки лететь и рыдать над баркасом

Будет ветер гудеть в парусах.
Нас проклял Бог и царь морской,
Забрав навечно наши души,
И в море вновь глядим с тоской,
Едва ступив ногой на сушу.
Бог морской, царь морской, черт морской.
Черт возьми, ведь насмешливым глазом,
Будет солнце блеснуть в небесах
Будут чайки лететь и рыдать над баркасом
Будет ветер гудеть в парусах.
Прощай, родная, не грусти
Пусть ветер крут, и мачты гнутся
Ведь, чтобы в море вновь уйти
Сперва должны домой вернуться.
Чтоб уйти. Чтоб уйти. Чтоб уйти.
Вновь уйду, и насмешливым глазом
Будет солнце блеснуть в небесах
Будут чайки лететь и рыдать над баркасом
Будет ветер гудеть в парусах.
Пусть будет сын всегда с тобой
Пускай цветет за домом слива,
Ты жди, что вынесет прибой
В полночный час с волной прилива.
Нам с тобой, нам с тобой, нам с тобой.
Нам с тобою насмешливым глазом
Будет солнце блеснуть в небесах

Будут чайки лететь и рыдать над баркасом

Будет ветер гудеть в парусах.

Веселье притихло ненадолго. Ведь здесь почти в каждой семье море забрало хоть одного мужчину. Но моряки не умеют долго грустить. Снова заиграл оркестрик, и Анна снова танцевала с длинноволосым геем.

Когда часы на замковой башне пробили полночь, я сказал, что пора домой. Анна, разгоряченная и веселая, пожала плечами, потом взялась за спинку моей коляски, и покатила меня к дому. Георгиос плелся сзади.

Дома она сразу направилась в ванную, а я перебрался в свое кресло у камина и взял в руки Моммзена. Анна вышла из ванной в махровом халате, с полотенцем, обернутым как тюрбан вокруг головы. Увидев меня в кресле, запротестовала:

– Ты уже три ночи провел в кресле! В конце концов, это невежливо. Я молодая и здоровая... – тут она запнулась, потому что сказать: «А ты старый калека» постеснялась, – и мне тоже хочется ночевать в кресле! – закончила весело. У меня почему-то не было сил возражать. Я принял душ, переоделся в пижаму и улегся в постель, а она котенком свернулась в кресле.

Заснул я сразу, но спал плохо. Моя любимая вместе с теплоходом уходила под воду, а я стоял на берегу, по колена в песке, и никак не мог вытащить ноги, чтобы броситься к ней на помощь. Проснулся еще затемно. Меня била дрожь. Бы-

ло очень холодно, хотя я лежал под пуховым одеялом. Похоже, вернулась та болезнь, которая изводила меня зимой. Я зажег лампу на столике при кровати, перебрался в коляску и покатил в кухню. Выпил аспирин, стакан чая. Потом натянул толстый вязанный свитер, и снова улегся. Мне удалось достаточно быстро заснуть, и снова я видел кошмары. Море. Я сижу в лодке, которая медленно погружается в воду. Я ладонями вычерпываю воду, а она все прибывает. Берег виден, он совсем недалеко. Но я не могу взяться за весла и грести, потому что нужно вычерпывать воду...

– Иоанн! Проснитесь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.